2. Алиференко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта, 2018.

3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. и с предисловием Г.В. Рамишвили. М., 2000.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1991–1996.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001.

6. Метонимия [Электронный ресурс]. 2000. URL: http://www.dialog21.ru/archive/2000 (дата обращения: 23.03.2009).

7. Очерки истории языка русской поэзии XX века: тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994.

8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996.

10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.–Л.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1938. Т. 2.

11. Юрков Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии. М.: МИРС, 2012.

* * *

1. Averchenko A.T. Sobranie sochinenij: v 13 t. / red., vstup. st. S. Nikolenko. M., 2012–2015.

2. Aliferenko N.F. Sovremennye problemy nauki o jazyke: ucheb. posobie. M.: Flinta, 2018.

3. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju / per. s nem. jaz. pod red. i s predisloviem G.V. Ramishvili. M., 2000.

4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M.: Terra, 1991–1996.

5. Maslova V.A. Lingvokul'turologija. M.: Academia, 2001.

6. Metonimija [Jelektronnyj resurs]. 2000. URL: http://www.dialog21.ru/archive/2000 (data obrashhenija: 23.03.2009).

7. Ocherki istorii jazyka russkoj pojezii XX veka: tropy v individual'nom stile i pojeticheskom jazyke. M.: Nauka, 1994.

8. Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997.

9. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1996.

10. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. D.N. Ushakova: v 4 t. M.–L.: Sov. jencikl.; OGIZ, 1938. T. 2.

11. Jurkov E.E. Metafora v aspekte lingvokul'turologii. M.: MIRS, 2012.

Metonymic development of the image of Russia in the idiosteal of A. Averchenko

The article presents the analysis of the metonymic model of space in the stories by A. Averchenko. The author reveals ways and means of representation of cultural objects in the metonymic transfer "old Russia – manor, new Russia – flat", as well as patterns of reflection of cultural semantic categories of value in in the semantics of language units. Using the method of comparison the author shows that the basis of the formation of the artistic picture of the world of the writer is the contrast concluded in the opposition of the old and the new Russia. The given linguistic facts are examined through the prism of the sociocultural opposition "ours – others".

Key words: *artistic picture of the world, metonymic model, artistic image, cultural information, contrast, antonymy.*

(Статья поступила в редакцию 23.10.2018)

ЛИ ЯНЬ
(Санкт-Петербург)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА – МЕТАФОРА ВМЕСТИЛИЩА В КИНОТЕКСТЕ (на примере кинофильмов Э. Рязанова)

Рассматривается функционирование метафоры вместилища как одного из ведущих типов онтологических метафор в текстах кинофильмов Э. Рязанова. Выделены и проанализированы модели концептуальных метафор, связанных с понятием «вместилище». Изучение данных метафорических моделей свидетельствует о тесной связи между процессами концептуализации окружающей действительности и пространственной ориентации человека и помогает раскрыть национально-специфическую картину мира.

Ключевые слова: *когнитивная теория метафоры, концептуальная метафора, метафора вместилища, кинотекст, языковая картина мира.*

Когнитивная лингвистика изучает проблемы взаимосвязи языка и сознания, роль языка в категоризации окружающей действительности [3, с. 15]. Метафора рассматривается при

© Ли Янь, 2018

когнитивном подходе как одна из форм мышления. Современная когнитивистика видит в метафоре важную ментальную операцию как способ познания, концептуализации, оценки и объяснения мира [3, с. 16].

Комплексное рассмотрение метафоры в рамках когнитивной лингвистики представлено в научных трудах американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафоризация, по их мнению, основывается на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [7, с. 9]. Область источника как составляющий компонент метафоры представляет собой более конкретное знание, усваиваемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с окружающим миром [2, с. 10]. Знания в области источника организованы в виде «схем образов», к которым относится ряд категорий, в том числе и категория «вместилище» [8, с. 267]. Формирование такого рода метафоры, как метафоры вместилища, по словам когнитивистов, обусловлено тем, что человек в качестве физического существа отграничен и отделен от остального мира поверхностью кожи. Мы воспринимаем себя как вместилища, ограниченные поверхностью тела, с ориентацией «внутри – снаружи» и, таким образом, естественно проецируем нашу собственную ориентацию «внутри – снаружи» на другие физические объекты, ограниченные поверхностями, и далее развиваем в себе способности переносить данную ориентацию в описание нашего концептуального мира [7, с. 54]. Согласно Е.С. Кубряковой, в основе языка и его категорий лежит наглядный, телесный опыт человека, через обобщение этого опыта человек выходит в более абстрактные сферы и создает свои представления о том, что нельзя наблюдать непосредственно [6, с. 480]. Важность рассмотрения концепта «вместилище» обусловливается его одновременной и симультанной связью с глобальными бытийными категориями, такими как место или пространство и объект [Там же, с. 481]. Таким образом, можно сказать, что метафора вместилища – одна из ведущих метафорических моделей в изучении когнитивного аспекта метафоры.

Метафора встречается в разных видах текстов, в том числе и в креолизованном тексте, при этом «среди центральных в культуре креолизованных текстов ведущее место принадлежит кинотексту» [4, с. 48]. Изучение проблемы когнитивной метафоры как некоего ключа к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации в кинотексте [Там же], является актуальным в современной лингвистике и до сих пор не проводилось российскими лингвистами. В данной статье продемонстрирована возможность в языковом сознании персонажей фильмов концептуализировать части человеческого тела, все человеческое тело, различные состояния и эмоции, действие и деятельность как некие вместилища при помощи метафорического осмысления, раскрывается специфика функционирования метафоры вместилища в кинотексте, показана связь между концептуализацией окружающей действительности и пространственной ориентацией человека. Материалом для статьи послужили тексты кинофильмов под режиссерством Э. Рязанова.

Концептуальная метафора с соматическим компонентом в своем составе представляет основной семантический вид метафоры вместилища в тексте кинопроизведений Э. Рязанова. Одним из главных соматических компонентов здесь оказывается верхняя часть тела человека – голова. Подавляющее большинство (6 из 7) анализируемых метафор, областью источника которых является лексема *голова*, структурируется на основе восприятия головы как некоего контейнера с внутренней частью и внешней поверхностью, лишь одна из них образуется по метонимическому принципу «часть вместо целого»: *светлая голова* – «умный человек».

Подвижность интеллектуальной сферы прослеживается в ряде языковых выражений, где существительные, обозначающие результаты размышления, мысль, идею и т. п., сочетаются с глаголами движения. В репликах персонажей рождение мысли представляется как приход мысли во вместилище – голову: *Вы не знаете, что сейчас у меня в голову пришла неплохая мысль* (Дайте жалобную книгу, 1965); *Творили, что только в голову придет* (Жестокий романс, 1984) и др. При этом в приведенных примерах наполнение содержанием (мыслями) / опустошение головы происходит непроизвольно, независимо от желания субъекта. По словам Н.Д. Арутюновой, голова человека подобна резиденции мыслей, витающих в мировом пространстве и изредка наведывающихся в свою резиденцию [1, с. 363].

Кроме того, голова может осмысляться как вместилище, которое человек в ряде случаев наполняет неким содержанием или опустошает по собственному желанию: *Мой вам добрый совет, как добрый товарищ – бросьте это все, выкиньте из головы...* (Служебный роман, 1977). В данном примере человек

в качестве субъекта действия ассоциируется с хозяином какого-либо помещения, имеющим право на распоряжение предметами (оставлять или выбрасывать их), находящимися внутри этого места. В сознании говорящего – сослуживца Рыжовой, любящей Самохвалова еще с институтских годов, ее намерение завязать роман со старым другом, теперь женатым человеком, начальником, воспринимается как лишняя вещь, которую следует немедленно выбросить из дома.

Процесс возникновения мысли также уподобляется рождению мысли в голове. При этом голова фигурирует не просто как явное вместилище – комната, дом, а конкретнее, как родильный дом: *У меня в голове родилась, как ни странно, мысль* (Служебный роман, 1977). Возможным содержимым в роддоме – голове выступает и словесное выражение мысли, идеи: *Люди, у меня родился важный тост* (Ирония судьбы или с легким паром, 1975); *Ребята, родился лирический нежный тост* (Ирония судьбы или с легким паром, 1975).

Мысль может метафорически «проживать» не только в «голове», но и в «памяти» человека. Метафорическая аналогия «память – это вместилище» вербализуется в контексте *Тот в здравой памяти не проживет и дня. Кто будет в вас влюблен* (Гусарская баллада, 1962). Память концептуализируется в представлении гусарского поручика Дмитрия Ржевского как жилище, где, возможно, проживают какие-либо мысли. Он ответил на вопрос героини Шурочки Азаровой: «Вы любите меня?» – таким образом, как будто не был влюблен в нее, хотя на самом деле сильно ее любил.

Поскольку голова рассматривается как место локализации ума, языковые выражения, в основе которых лежит концептуальная метафора «голова – это вместилище», демонстрируют тесную связь с концептуальной метафорой «ум, рассудок – вместилище». Если существительное *мысль* трактуется как ‘результат процесса мышления’ [5, с. 566], то можно заметить, что в вышеприведенных метафорах между областью источника и областью цели установлена метонимическая корреляция «содержащее – содержимое». Если ум в метафорической модели «ум – вместилище» выступает в качестве вместилища-субстанции (вещества) для продуктов мышления – мыслей, идей и т. п., то в метафоре «голова – вместилище» голова представляет собой вместилище-объект. Для объяснения отношений объекта-вместилища и субстанции-вместилища Дж. Лакофф и М. Джонсон привели пример с ванной, наполненной водой. Так, залезая в ванну, человек погружается в воду. И ванну, и воду можно рассматривать как вместилища, но разного рода. Ванна – объект-вместилище, а вода – субстанция-вместилище [7, с. 55].

Человек способен не только на мышление, но и на сохранение в сознании прежних впечатлений. В образе вместилища для сохранения запоминаемых изображений мозг предстает как ‘центральный отдел нервной системы человека’, находящийся внутри головы [9, с. 362]. Концептуальная метафора «мозг – это вместилище образов» лежит в основе следующего примера: *Она молча стоит у меня за спиной, но вдруг в моем мозгу появляются лица, рождаются образы, слова теснят друг друга, фразы так и льются с моего пера* (Андерсен. Жизнь без любви, 2006).

На основании восприятия части человеческого тела в образе некоего сосуда формируется и метафорическая проекция «рот – это вместилище», в которой уста понимаются персонажем фильма как место, куда вмещаются речевые высказывания. Рассмотрим пример: *Я не знаю, почему у меня вырвалось такое слово... мокрая...* (Служебный роман, 1977). В данной реплике существительное *слово* персонифицируется в образе самостоятельного действующего лица, которое стремится вырваться на волю из места, где его заперли. Способность пространственного передвижения лексемы *слово* репрезентируется метафоризованным глаголом избавления *вырваться,* в структуру значения которого входит сема ‘преодолевать сопротивление силой’ [5, с. 180]. Тем самым эксплицируется неспособность рта как вместилища удерживать во внутренней части наполнение (содержание). В словах главного героя фильма «Служебный роман» Новосельцева также актуализируются семы глагола *вырваться* – ‘стремительное движение’, ‘действие субъекта по своей воле’. Новосельцев стремится подчеркнуть нечаянность, неосторожность своего высказывания, поскольку слово *мокрая* вырвалось у него помимо его желания. В данном случае имеет место конкретизация обстоятельства порождения речи, которая всегда обусловлена эмоциональным состоянием говорящего. В этом контексте, с одной стороны, виден застенчивый и сдержанный характер персонажа фильма, с другой – проявление беспокойства в ходе разговора с начальницей Калугиной свидетельствует о его неопытности в общении с женщинами.

Свойством вместилища могут обладать губы. Уподобление губ некому резервуару происходит на фоне реализации концептуальной метафоры «губы – это вместилище», кото-

рая эксплицируется выражением: *Слово «идеал» у ней не сходит с губ* (Гусарская баллада, 1962). Глагол движения *сходить* в этом примере приобретает значение ‘уйти с места, освободив его’ [9, с. 744]. Если в рассмотренной выше модели, репрезентирующей метафорическое понятие «рот – это вместилище», вмещаемое – речь – стремится избавиться от вместилища, то в модели метафоры с вместилищем «губы» актуализируется нежелание вмещаемого – речи – покинуть свое место.

Концепты, которые в кинотексте часто соотносятся с метафорами вместилища, представлены лексемами *сердце, душа*. Сердце и душа в русском языковом сознании могут использоваться как взаимозаменяемые, т. к. душа трактуется как ‘внутренний, психический мир человека’, где локализуются его переживания, чувства, настроения [Там же, с. 183]. Сердце представляет собой орган, ответственный за психические состояния человека. Как отмечают некоторые лингвисты, «соматизмы – названия частей человеческого тела – давно изучаются лингвистами в разных аспектах. Особый аспект их исследования состоит в выявлении их возможностей в метафорическом обозначении эмоций» [10, с. 62]. Соматизм *сердце* и его синонимичное слово *душа* в составе метафоры вместилища выступают в качестве локализатора различных эмоций. Они как некие емкости могут содержать в себе негативные эмоциональные состояния, такие как тревога, грусть: *В сердце томная забота, безымянная печаль* (О бедном гусаре замолвите слово, 1980); *Первое смутное беспокойство закралось в его тоскующую душу, когда они оказались на улице, с которой он вчера увозил мебель* (Зигзаг удачи, 1968); *В душе покоя нет* (Служебный роман, 1977). Участвуя в выражении душевных состояний человека, лексема *сердце* часто объединяется с различными предикатами в метафорическом значении, например, в модели выражения «беспокойство закралось в душу» метафоризованный предикат – глагол *закрасться* употребляется в переносном значении ‘незаметно появиться, возникнуть’ [9, с. 208]. Данный перенос значения осуществляется посредством актуализации семы этого глагола ‘незаметность’, ‘неощутимость’.

Сердце и душа способны вмещать не только отрицательные чувства, но и положительные. Они предстают в виде резервуара для позитивных эмоций, таких как радость, веселье. В фильмах Э. Рязанова персонажи фильмов соотносят эмоцию «радость» с концептом «весна», который метафоризируется как нечто, проникающее внутрь сердца, души или находящееся внутри них, что иллюстрируют следующие примеры: *Пусть в жизни, как в песне, надежда воскреснет. И в сердце ворвется весна. Все вместе мы – радость, все вместе мы – песня. И дружба на все времена!* (Карнавальная ночь 2, или 50 лет спустя, 2006); *Мне не до сна, в душе весна* (Дайте жалобную книгу, 1965). В первой реплике весна как символ радости стремительно проникает в сердце человека и заполняет его. Ассоциация радости с весной обусловлена тем, что в русской языковой картине мира весна как время года после долгой и холодной зимы обладает такими смысловыми признаками, как «жизненность», «теплота», «надежда», и, таким образом, для подавляющего большинства русских людей весна психологически воспринимается с радостным настроением.

Кроме того, сердце может заполняться чужим человеком. В советском фильме Э. Рязанова «Вокзал для двоих» фразы, вербализирующие концептуальную метафору «сердце – это вместилище чужого человека», являются речью, употребляемой для выражения отношения к приходящей любви. Например: *Почему вы вошли в мое сердце* (Вокзал для двоих, 1982). Душа может быть наполненной: *Почему вы заняли его (сердце) целиком* (Вокзал для двоих, 1982). Душа также способна быть пустой, т. е. в ней нет одного содержания – человека: *Усталых дум моих полет стал низок, и мир души безлюдней и бедней* (О бедном гусаре замолвите слово, 1980).

«Сердце» и «душа» предстают в образе резервуара, куда могут быть помещены «поступок» и «память». Это репрезентировано высказываниями типа *Если кто-то другом был в несчастье брошен, и поступок этот в сердце вам проник* (Карнавальная ночь, 1956); *Наша память о родной державе. Из души не вытравить никак* (Дорога имени Октября, 1951). Здесь мы видим, что концептуальные метафоры присутствуют не только в художественных фильмах Э. Рязанова, но и в его документальных фильмах (например, «Дорога имени Октября»). В примере из указанного документального фильма при помощи метафоризации глагола *вытравить* память объективируется как нечто стойкое, что трудно ‘устранить, искоренить полностью’ [5, с. 186].

Помимо анализируемых выше соматизмов *голова, мозг, рот, губы, сердце*, сам человек, все человеческое тело, возможно, ассоции-

руется с неким сосудом, имеющим внутреннее пространство. По мнению Е.С. Кубряковой, «с одной стороны, человек – это часть мира, это *man in space*; с другой стороны, занимая определенный объем, тело формирует *space in man*, которое "заполнено" или "заполняется" самыми разными сущностями – начиная от реальных органов и субстанций и кончая его мыслями и чувствами, состояниями и ощущениями, способностями и знаниями» [6, с. 484]. Переход человека через границу между внутренним и внешним пространством своего тела, движение изнутри наружу эксплицируют метафорические выражения: *Куда бы я ни торопился, я убегаю от себя. Ищу я новые занятья, гоню карьером свою жизнь, хочу ее совсем загнать я… да от себя не убежишь!* (Музыка жизни, 2009); *– Что с Вами? – Я вне себя от счастья* (Ключ от спальни, 2003). Фразеологизм *убегать от себя* означает «попытку избавиться от пассивных эмоций и неприятных мыслей». Человек может выступать в качестве сосуда, заполненного такими сущностями, как воспоминания, надежды: *Теперь во мне намного больше воспоминаний, чем надежд* (Музыка жизни, 2009).

Мы иногда концептуализируем физическое или эмоциональное состояние как резервуар, в который мы погружаемся. В кинотексте среди метафор вместилища, описывающих состояния человека, наиболее частотными и употребляемыми представляются метафоры, характеризующие его различные эмоциональные состояния. Поскольку человеческие чувства и эмоции, по сути, есть физиологическая и психическая реакция на окружающий мир, то они тесно связаны с когнитивной деятельностью.

Восприятие разнообразных человеческих чувств, переживаний как вместилищ заложено в основу образности следующих контекстов употребления: *Я слово дал не глядя, я был в отчаянии; А коли враг в слепой надежде; Вы хоть уступите. В башку ему ударил хмель. Он дьявольски горяч в обиде?* (Гусарская баллада, 1962); *Спокоен рассвет довоенного мира. В тревоге уснул городок многочинный* (О бедном гусаре замолвите слово, 1980). Отчаянное, безнадежное, обиженное, тревожное состояние человека сравнивается с контейнером. В последнем примере прослеживается метонимическое отношение «место – жители этого места», т. е. «многочинный городок» – это военнослужащие разных чинов, которые живут в городе.

Психические состояния человека, в частности сосредоточенность или состояние, в котором человеку приходится терпеть что-либо, также выражаются при помощи метафор вместилища: *Я вся внимание* (Служебный роман, 1977); *Не выводи меня из терпения, если Розарио Агро озвереет, плохо тебе будет!* (Невероятные приключения итальянцев в России, 1974).

Примечательно, что выход человека за рамки какого-либо состояния может происходить не только по его желанию, но и под воздействием другого человека («выводить из терпения»). Метафорическое сравнение «нормальное психическое состояние – это вместилище» структурируется в следующих репликах: *Лидия Владимировна! Вы в своем уме?* (Гараж, 1979); *Черт, право, я схожу с ума; С ума тот спрыгнет, да, кто вас полюбит навсегда* (Гусарская баллада, 1962); *Ты сводишь меня с ума* (Привет, дуралеи!, 1996). Разумное состояние человека интерпретируется как здание с крышей. Человек либо статично остается внутри этого здания, либо спрыгивает с крыши, либо открывает дверь и уходит из него. Безумие описывается не только предикатами – глаголами движения, обозначающими самостоятельное действие субъекта *(сходить, спрыгнуть)*, но и глаголом воздействия на объект (*сводить* в значении 'заставлять спускаться вниз' [5, с. 1157]).

Концептуальная метафора «сознательное / бессознательное состояние – это вместилище» репрезентируется языковыми выражениями *А по-моему, она была в полном сознании; Вот дуэлянт нашелся тоже. Чуть мышь увидел и упал в беспамятстве* (Гусарская баллада, 1962). Следует отметить присутствие в модели «упасть в беспамятстве» ориентационной метафоры, в которой «сознание ориентировано наверх, бессознательное состояние – вниз» [7, с. 36]. В примере *А думал я, старик впал в детство!* (Гусарская баллада, 1962) устойчивое словосочетание *впасть в детство* описывает потерю человеком рассудка от старости [5, с. 154]. Употребленное говорящим выражение получает здесь ироническую окраску.

Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «…мы используем онтологические метафоры для понимания событий, действий, занятий и состояний. События и действия метафорически концептуализируются как объекты, занятия как вещества, состояния как контейнеры» [7, с. 56]. Примером послужило слово *забег*. Забег воспринимается как автономная сущность, которая проходит в пространстве и времени и имеет четко определенные границы. Таким образом, забег рассматривается как объект-вместилище, включающий за-

нятие бегом в качестве метафорического вещества [7, с. 56]. На основании данного суждения можно сказать, что примеры из кинофильмов Э. Рязанова подтверждают, что различные виды действия, деятельности могут рассматриваться как вместилища. Приведем несколько примеров: *Так всегда поступают, когда хотят уйти от неприятного разговора* (Дайте жалобную книгу, 1965); *И не лезь в драку. У нас у самих рыло в пуху* (Гараж, 1979); *Не суй свой нос в чужие дела!* (Невероятные приключения итальянцев в России, 1974). Нахождение внутри контейнера говорит о вовлеченности в данную деятельность, уход наружу – о неучастии в ней. Нетрудно заметить, что в образе емкости представляются и деятельность, в которой участвует человек-субъект, и деятельность без его участия. А вторжение, вмешательство в чужую деятельность оценивается, как правило, неодобрительно.

Более того, в речи персонажей фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» содержание вместилища – это действия, совершаемые на основании рационального сознания. Так, в диалоге – *Не волнуйся, она осталась в Риме, да и ухаживать за Ольгой я буду до известных пределов. – Предел я установлю!* (Невероятные приключения итальянцев в России, 1974) целесообразный поступок, поведение, соответствующее социальным нормам, метафорически воспринимается как нечто, содержащееся во вместилище, которое представляет собой пространство, ограниченное какими-либо пределами, и, соответственно, выход из установленного предела считается неуместным.

Обобщая все вышесказанное, приходим к следующим выводам.

1. Возможным содержанием вместилищ – частей тела человека – являются результаты размышления (мысль, идея), словесные выражения мыслительной деятельности, сохраняющиеся в памяти образы. В остальных концептуальных метафорах («человек – это вместилище самого себя», «состояние, эмоция человека – это вместилище» и «действие, деятельность человека – это вместилище») содержимое вместилища есть человек говорящий.

2. Для выражения душевного состояния человека употребляются три модели, в которых человек есть вместилище самого себя (например: *Я вне себя от счастья*), человек есть вместилище эмоции (например: *Во мне намного больше воспоминаний, чем надежд*) и человек есть содержимое в эмоции (например: *Я был в отчаянии*).

3. Вместилища могут быть представлены различными метафорическими образами: образами комнаты, роддома, жилища и др.

4. Исследуемые метафорические выражения эксплицируют динамическое и статичное состояние содержания вместилища. Динамика представлена разными движениями при переходе через границу между внутренним и внешним пространством вместилища: переход изнутри вовне или переход снаружи внутрь. В метафоризованных предикатах проявляются разные характеристики движения содержимого: 1) желание высвободиться *(вырваться);* 2) желание остаться внутри *(не вытравить никак);* 3) проникновение внутрь с силой *(ворваться);* 4) незаметное проникновение внутрь *(закрасться)*.

В целом можно заключить, что, оперируя метафорами вместилища, мы осмысляем, структурируем и описываем наши представления о мыслительных процессах, о процессах, происходящих во внутреннем мире, о различных состояниях, о видах деятельности человека. Результаты наших наблюдений значимы для практики преподавания русского языка как иностранного, поскольку изучение метафоры позволяет иностранным учащимся раскрыть особенности русской языковой картины мира и выявить роль метафоры в ее формировании.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999.

2. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. С. 7–21.

3. Будаев Э.В. Становление когнитивной метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 16–32.

4. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр. Екатеринбург: УрГПУ, 2013.

5. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004.

6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. слав. культуры, 2004.

7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Яз. слав. культуры, 2004.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

10. Преснякова Н.А. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках // Вестн. Новгор. гос. ун-та. 2009. № 52.С. 62–64.

* * *

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1999.

2. Baranov A.N. Kognitivnaja teorija metafory: pochti dvadcat' let spustja // Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. M.: URSS, 2004. S. 7–21.

3. Budaev Je.V. Stanovlenie kognitivnoj metafory // Lingvokul'turologija. Ekaterinburg, 2007. Vyp. 1. S. 16–32.

4. Voroshilova M.B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju: monogr. Ekaterinburg: UrGPU, 2013.

5. Kuznecov S.A. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. SPb.: Norint, 2004.

6. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004.

7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. M.: Editorial URSS, 2004.

8. Lakoff Dzh. Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi. Chto kategorii jazyka govorjat nam o myshlenii. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004.

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999.

10. Presnjakova N.A. Vmestilishha chuvstv: somaticheskie metafory v russkom i anglijskom jazykah // Vestn. Novgor. gos. un-ta. 2009. № 52. S. 62–64.

The "container" metaphor as a conceptual metaphor in a film text (as applied to films by E. Ryazanov)

The article is concerned with the functioning of the "container" metaphor as one of the leading types of ontological metaphors in the texts of films directed by E. Ryazanov. The author identifies and analyzes the models of conceptual metaphors associated with the concept of "container". A detailed study of the data of metaphorical models is made to show a close connection between the processes of conceptualization of the surrounding reality and the spatial orientation of a person and to reveal the national-specific picture of the world.

Key words: *cognitive theory of metaphor, conceptual metaphor, container metaphor, film text, language picture of the world.*

(Статья поступила в редакцию 16.07.2018)

Е.В. БАКУМОВА
(Волгоград)

ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ ВОЛГОГРАДА: «КИТАЙСКИЙ СЛЕД» В ЭПИГРАФИКЕ*

Анализируется изучение городской коммуникации как нового и перспективного направления в современных лингвистических исследованиях. Медиаурбанистика включает изучение эпиграфики конкретного города – совокупности текстов малых форм, ярко демонстрирующих его языковое лицо. Предпринимается попытка проследить «китайский след» в эпиграфике Волгограда на основании данных, полученных путем опроса информантов из России и Китая.

Ключевые слова: *городская коммуникация, медиаурбанистика, эпиграфика, Россия, Китай.*

В последнее время изучение городской коммуникации становится актуальным для специалистов разных областей: языкознания, коммуникативистики, лингвокультурологии, компаративной лингвистики. Наше исследование ставит своей целью проанализировать медиаурбанистические тенденции применительно к российско-китайскому межкультурному взаимодействию. Представляется, что активное развитие связей между Китаем и Россией, происходящее в последнее время, объясняет необходимость и своевременность изучения особенностей взаимоотношений внутри городского коммуникативного пространства, систематизации объектов городской инфраструктуры наших стран.

Городские коммуникативные исследования (urban communication studies) появились в XX в. Так, А.Г. Квят отмечает, что «основными предпосылками к формированию этой комплексной дисциплины, изучающей различные аспекты человеческой коммуникации в городской среде, были научно-технический прогресс, рост урбанизации и телекоммуникационная революция» [5, с. 126]. Автор предлагает термин *медиаурбанистика* как наиболее полный для отражения обширного спектра городских коммуникативных исследований.

В нашем исследовании мы рассматриваем современную городскую эпиграфику. Тра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

© Бакумова Е.В., 2018